

УДК 94(470)''1917''
ББК 63.3(2)6
С22

Сахнин, Алексей Викторович.
С22 Опыт Октября 1917 года. Как делают революцию / Алексей
Сахнин. — Москва : Алгоритм, 2017. — 288 с. — (Революция и мы).

ISBN 978-5-906914-44-6

В своей новой книге один из лидеров «Левого фронта», историк А. Сахнин рассказывает о потрясающем успехе большевиков в 1917 году, когда они из малоизвестной и маловлиятельной партии превратились в ведущую революционную силу и одержали победу в Октябре. Он доказывает, что вопреки распространенному сейчас мнению большевики не были заговорщиками, захватившими власть в результате путча. Материалы, которые приводит А. Сахнин, свидетельствуют, что большевики нашли широкую опору в народе: как это ни покажется кому-то странным, но они были тогда самой демократичной партией. Именно поэтому, пишет автор, «то, что на языке той эпохи называлось «революционным творчеством масс», дало невиданную энергию, которая позволила совершить невероятные перемены и изменить течение мировой истории».

УДК 94(470)''1917''
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906914-44-6

© Сахнин А.В., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

РЕВОЛЮЦИЯ И МЫ

Сахнин Алексей Викторович

**ОПЫТ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА
КАК ДЕЛАЮТ РЕВОЛЮЦИЮ**

Редактор *О.В. Селин*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.01.2017.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906914-44-6

9 785906 914446 >

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Февральская революция	8
Возвращение Ленина	36
Троцкий и партия	99
Июльское поражение	112
Корниловский мятеж	135
«Кризис назрел»	157
Октябрьская революция	189
Правящая партия	229
Послесловие	285

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская революция никогда не страдала от недостатка внимания. Ее масштабы и влияние на российскую и мировую историю мало кем подвергались сомнению. Более того, она так потрясла сознание современников и потомков, что все столетие, минувшее с момента ее начала, неизменно оставалась одной из центральных тем в общественной дискуссии — как в области политики, так и в академической историографии, почти одинаково занимая публицистов, художников, писателей, философов, ученых и политиков.

Но если революция 1917 года вообще стала «чувствительной» темой для общественной дискуссии, то ее главные герои — большевики — испытали на себе это пристрастие вдвойне и втройне. Фантастический прорыв леворадикальной партии к власти, беспрецедентный по своей стремительности и по масштабам своих последствий социальный эксперимент большевиков приковывал к себе внимание и заставлял вновь и вновь возвращаться к его авторам. Бесчисленные эпигоны ленинской партии стремились разгадать «секрет» ее успеха, а не менее многочисленные противники искали разгадку «катастрофы» в злом гении партийных лидеров, в специфике оргструктуры и «дискурсивных технологий» РСДРП(б). В итоге большевизм стал рассматриваться не просто как центральный сюжет в истории русской революции, но как само ее существо, как главное содержание охвативших Россию перемен.

Сегодня, наше общество по-прежнему расколото на сторонников и противников социалистических ценностей. А градус идеологической и политической борьбы и обще-

ственной дискуссии вновь повышается. Столетний юбилей Октября становится поводом для переосмысления исторического опыта, а подчас и для сознательного искажения исторической истины. Теперь, когда страна вновь стоит на пороге исторической развилки, научный анализ тех реальных механизмов и общественных отношений, институтов и идей, которые определили судьбу страны в том судьбоносном 1917 г. становится не просто актуальным, но — необходимым.

Вероятно, изучение большевизма никогда (в обозримом будущем) нельзя будет полностью вывести за рамки общественно-политической дискуссии в спокойную гавань академизма. Эта тема останется весьма болезненной и актуальной не только для науки, но и для политики. Российская революция и большевизм, как ее часть, надолго останутся одним из краеугольных камней политики, без самоопределения по отношению к ним она еще долго будет попросту невозможна.

Но историческая истина и объективность не должны стать жертвой идеологических спекуляций. Историю нельзя ангажировать. И потому дальнейшие исследования и дискуссии вокруг феномена большевизма могут строиться только на прочном фундаменте скрупулезного внимания к фактам. Общество не может развиваться, не приняв собственное прошлое, не «присвоив» его себе, не превратив его в собственную творческую силу. В этом смысле не только идейно-теоретическое наследие большевиков, но и их институциональный опыт, диалектика субъективных и объективных факторов развития партии являются для нашего общества предметом «освоения» и анализа. А сделать это в обход строгой науки невозможно. Будем надеяться, что предложенный вниманию читателя текст внесет свой скромный вклад в это большое дело.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Правительственные репрессии, вынужденная эмиграция многих видных деятелей большевистской партии и условия работы в подполье привели к тому, что к февралю 1917 г. большевики оказались в весьма тяжелом, с организационной точки зрения, положении. По словам известного немецкого историка Х. Альтрихтера, большевикам в февральские дни «не доставало именно того, что должно было отличать их от других социалистических партий: ясной концепции, сильной организации и единого руководства». Многие партийные организации (включая петроградскую) были разгромлены, ощущался кадровый голод, не было единого руководящего органа. Его роль накануне революции, а также в ходе событий февраля-марта 1917 г., играли три инстанции: Заграничная часть и Русское бюро ЦК партии (в Цюрихе и в Петрограде, соответственно), а также Петроградский комитет.

Заграничная часть ЦК, во главе с Лениным, находившаяся за границей, испытывала постоянный дефицит сведений из России и была ограничена в возможности влиять на происходящее в стране. Как и в прежние годы, она, главным образом, сосредоточивалась на литературной и теоретической работе, а также прикладывала усилия к переправке в Россию литературы, поддержания контактов с большевистским подпольем посредством переписки и отправки специальных уполномоченных, поиске материальных ресурсов и т.д. Вся эта работа осуществлялась через Комитет заграничной организации РСДРП(б) (КЗО РСДРП(б); в него входили Н.А. Семашко, М.Ф. Владимирский, И.Ф. Арманд и другие), работой которого руководил лично Ленин.

В Русское бюро ЦК (далее — РБЦК) входили накануне революции всего три человека: А.Г. Шляпников (игравший роль неформального лидера), П.А. Залуцкий и В.М. Молотов.

Молотов вспоминал в 1971 г., что он познакомился со Шляпниковым еще в конце 1915 г., характеризовал его как «человека способного, пишущего, ... активного». Молотов признавался, что «мы его считали лидером». Так дело и обстояло на самом деле: Шляпников был неформальным, но бесспорным лидером первоначального состава РБ ЦК (кстати говоря, в отличие от своих товарищей, Шляпников был полноправным членом ЦК еще с 1912 г.). Молотова и Залуцкого связывали дружеские отношения, но оба, по всей видимости, находились под политическим влиянием старшего и более опытного Шляпникова. С другой стороны, при всех своих организационных талантах и влиянии на молодых товарищей, Шляпников не совсем подходил на роль политического лидера и публичного политика. Вот, например, как его характеризовал один из самых проницательных летописцев революции Н.Н. Суханов: «опытный конспиратор, отличный техник-организатор и хороший практик профсоюзного движения, ... совсем не был политик... ни самостоятельной мысли, ни способности, ни желания разобраться в конкретной сущности момента не было у этого ответственного руководителя влиятельнейшей рабочей организации». В целом, можно согласиться с оценкой Суханова : Шляпников гораздо больше подходил на роль организатора подпольной организации, чем на место публичного лидера легальной массовой партии.

Фактически, именно Шляпников, Молотов и Залуцкий отвечали за координацию деятельности всей партии, во всяком случае, той ее части, которая оставалась в России. Через них осуществлялись контакты с зарубежной частью ЦК, они отвечали за организацию партийной печати и за состояние кассы партии. Численность партии на рубеже февраля-марта 1917 г. составляла, по оценкам органи-

зателей партийной переписи 1922 г., около 23 600 человек (из них около 2000 человек в Петрограде). Но только часть этого актива находилась в распоряжении Шляпникова и РБ ЦК. Большинство были либо в заключении, либо не имели связи с руководящими инстанциями партии. Связь с партийными организациями в провинции часто была нерегулярной или даже эпизодической.

Архивные источники позволяют сделать вывод о достаточно сильных трениях между РБ ЦК во главе со Шляпниковым и руководством крупнейшей организации партии — Петроградским комитетом — уже зимой 1916-1917 гг. Не перерастая в открытый конфликт, их отношения все же оставляли желать лучшего, о чем свидетельствует как переписка РБ и заграничной части ЦК, так и внутренние документы РБ. Шляпников считал, что ПК должен подчиняться ЦК, которое представлял в Петрограде он сам и его товарищи по РБ. Руководство ПК, со своей стороны, игнорировало указания Русского бюро и даже жаловалось в заграничный партийный центр на попытки Шляпникова диктовать свою волю петроградскому пролетариату.

* * *

Насколько позволяют судить источники, настроение членов РБ ЦК накануне революции было весьма радикальным даже по большевистским меркам. Это проявлялось, прежде всего, в отношении к либеральной оппозиции и к другим социалистическим партиям. Так, в своем письме в Заграничную часть ЦК от 11 февраля 1917 г. Шляпников характеризует политику думских либералов из «Прогрессивного блока» как «антинародную» и призывает клеймить лидера кадетов П.Н. Милюкова «перед лицом демократии всего мира». Незадолго перед этим, на встрече с А.Ф. Керенским, Шляпников категорически отказался, от имени большевистской партии, от поддержки думской фронды, а также от «заключения формального соглашения»,

обязывавшего большевистские организации «согласовывать свою волю и действия» с другими социалистическими группами и партиями, поскольку «не имел никого интереса стать игрушкой в буржуазных руках». Таким образом, высший орган большевиков в России занял демонстративно самостоятельную и даже непримиримую позицию по отношению к другим антиправительственным силам страны.

Характеризуя настроения большевистского актива накануне революции, Шляпников, в числе проблем, волновавших активистов, первым упоминает вопрос о вооружении рабочих. Вокруг этой проблемы велась в январе и феврале 1917 г. оживленная дискуссия, в ходе которой оформилось два подхода, тесно связанных с различными аспектами теоретической культуры большевиков вообще. Часть активистов полагала, что необходимо достать оружие любым путем (купить, привезти из-за границы) и создать боевые дружины, которые и должны были стать ударной силой революционного переворота. Шляпников и его товарищи, напротив, доказывали, что «оружие рабочие должны добыть от солдат... Только массовый переход войск на нашу сторону может обеспечить победу». Таким образом, если одни ориентировались на «бланкистскую» модель захвата власти вооруженным крылом революционной партии, то другие (во главе со Шляпниковым) держались мнения, что вне массового движения перемены невозможны. Победа сторонников последней точки зрения привела к тому, что усилия большевистского актива расходовались не на организацию вооруженных отрядов, а на агитацию среди рабочих и солдат.

Второй вопрос, остро дискутировавшийся в социал-демократической среде накануне революции, сводился к тому, «целесообразно ли призывать рабочих к революционным действиям, когда наши организации не смогут овладеть движением? Не обождать ли, не преждевременно ли вызываемое нами революционное движение?». Логика

этого спора была аналогична логике дискуссии о вооружении; одни ориентировались на стихийное движение масс, другие на хорошо подготовленное выступление «авангарда». Причем Шляпников специально подчеркивал, что среди «авангардистов» были «отнюдь не пессимисты и не умеренные элементы». Как мы увидим, дело было не в радикализме и умеренности, а в разных теоретических моделях, на которые ориентировались члены партии.

Наконец, третьим вопросом, составлявшим предмет острого обсуждения в большевистских организациях, был вопрос об организации власти после грядущей революции. Именно вокруг этого вопроса будет строиться дискуссия в РСДРП(б) после Февраля, а потому проследить эволюцию различных подходов к его решению особенно важно. Общеизвестным (со времен первой русской революции) был лозунг организации Временного революционного правительства, призванного осуществить требования большевистской программы-минимум и прекратить войну. Это будущее правительство виделось большинству активистов как правительство «революционной демократии», созданное на основе «соглашения между существующими в стране тремя основными революционными и социалистическими партиями» — большевиками, меньшевиками и эсерами. Такое понимание вопроса о революционной власти, разумеется, связано с традиционным для социал-демократии представлением о том, что предстоящая в России революция будет носить сугубо «буржуазно-демократический» характер и не поставит перед собой собственно социалистических задач, почву для которых необходимо еще долго готовить посредством «прогрессивного» курса, который и призвано будет обеспечить Временное революционное правительство.

Вместе с тем, Шляпников и ряд других мемуаристов указывают, что уже накануне революции часть членов партии рассматривали социализм как непосредственную пер-

спективу приближавшейся революции, как вопрос сегоднешней, актуальной повестки дня, а не дальний горизонт прогресса. «Многим товарищам — вспоминал Шляпников — было не по душе ограничение задач нашей революции рамками буржуазного порядка... Часть товарищей рассматривала надвигающуюся революцию, как начало социалистической эпохи». Причем таковые были не только в столице, но и, например, в Харькове и т.д.

Немало было и тех, кто полагал, что основная задача революции — создание буржуазно-демократического режима. Эти разногласия станут в ближайшем будущем теоретико-идеологической основой внутрипартийной борьбы за определение тактики и стратегии РСДРП(б). Очевидно, что радикальные теоретические выводы сторонников первого подхода самым серьезным образом отличались от социал-демократической ортодоксии (и не могли не вступить в конфликт с ней), исходившей из нерушимости универсальной последовательности стадий развития общества, а, следовательно, ориентированной на ограниченную «буржуазно-демократическую» перспективу.

В основных центрах большевистской партии в России (Петроград, Москва, Харьков, Урал, Киев, Закавказье и т.д.) накануне Февраля очень мало обсуждалась проблематика Советов, как особой модели организации революционной власти. Упор традиционно делался на расстановке классовых сил и на взаимоотношениях партий (социалистических и либеральных). Даже в последние дни февраля, когда уже началась революция, а на некоторых заводах уже избирались делегаты Совета, лидеры большевиков (причем как в РБ ЦК, так и в ПК) настаивали, что руководство восстанием должно сосредотачиваться в руках нелегальных партийных центров РСДРП(б). «Мы сознательно не выставляли лозунгов по созданию какого-либо непартийного органа для руководства полустихийным движением — вспоминал Шляпников — выдвигая для этой цели наши испытанные

в борьбе, дисциплинированные и централизованные партийные коллективы». И только при успехе восстания руководство ПК и РБ ЦК предполагало созыв Совета.

Состав Петербургского комитета (ПК) и вообще столичной организации партии был сравнительно пестрым. Среди питерских большевиков были сторонники разных взглядов, в том числе и немало тех, кто ориентировался на более тесное взаимодействие с другими левыми партиями и даже с либеральной оппозицией. С образованием Петроградского Совета, преобладающим влиянием в котором будут пользоваться меньшевики и эсеры, напряжение между РБ ЦК и большинством ПК, стремящимся к сближению с представленной в Совете «демократией», увеличится, став основной пружиной внутривнутрипартийной борьбы в РСДРП(б) на первом этапе революции.

25 февраля состоялось заседание РБ ЦК, на котором член Бюро и его представитель в ПК Залуцкий сообщил о работе ПК и райкомов партии. По его словам, ПК по требованию своего актива принял решение закончить всеобщую стачку, которой были охвачены большинство предприятий столицы, лишь после победы над царским правительством. На следующий день намечался пленум ПК, призванный определить тактику дальнейшей борьбы. Однако этому не суждено было произойти.

Всего через несколько часов, в ночь с 25 на 26 февраля, охранка произвела аресты, которые в значительной степени ослабили петроградскую организацию большевиков. Всего было арестовано более 100 человек (причем, больше всего среди арестованных было именно столичных большевиков), в том числе трое руководителей ПК (А.К. Скороходов, А.Н. Винокуров, Э.К. Эйзеншмидт). Несмотря на то, что большинство членов ПК остались на свободе, они вынуждены были скрываться, и работа комитета была дезорганизована.

В этих условиях, автоматически возрастала роль РБ ЦК. В свою очередь, член РБ ЦК Шляпников 26 февраля вы-

ступил с инициативой создания нового ПК на основе Выборгского райкома и оставшихся на свободе членов разгромленного охранкой старого ПК. Совещание членов Выборгского райкома партии и старого ПК приняло это предложение, а РБ ЦК в тот же день утвердило принятое ими решение.

По всей видимости, в первые дни после своего создания новый ПК РСДРП(б) находился под сильным влиянием РБ ЦК (и, прежде всего, Шляпникова лично) и обращался к нему за инструкциями и указаниями. Этому способствовала традиционная политическая близость между членами Бюро ЦК и Выборгского районного комитета РСДРП(б), которые и составляли основу этого временного состава ПК.

Однако это длилось не долго. Уже 1 марта 1917 г. собрание представителей парторганизаций Выборгского, Нарвского, Василеостровского районов, Латышской и Литовской организаций партии, профсоюза печатников и представителей др. партийных групп, признав себя неправомочным решать вопросы, находящиеся в компетенции ПК, выбрало из своего состава новый Петербургский комитет. Таким образом, монополия Выборгского комитета на представление парторганизации столицы исчезла. С этого момента вновь появилось и даже усилилось определенное напряжение между ПК и РБ ЦК.

Впрочем, и в последние дни февраля (т.е. в момент максимальной политической близости) между двумя этими инстанциями все же существовало одно важное разногласие. Оно касалось вопроса о вооружении рабочих, о котором говорилось выше.

* * *

В ходе революционных событий в столице возник новый орган — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет), который сыграл важнейшую роль в истории русской революции. Партийная фракция боль-

шевиков в Совете стала одной из площадок на которой происходили процессы внутривнутрипартийной борьбы.

Идея организации Совета возникла практически одновременно с началом массовых волнений. Уже 24-26 февраля происходили первые выборы депутатов по заводам. Однако вплоть до 27 февраля эти выборы так и не приняли систематического характера. Участие же большевиков в работе по созданию Петросовета было сравнительно слабым. Этому есть ряд объяснений.

Во-первых, большевики находились накануне революции в подполье, и у них не было легальных организаций, на основе которых можно было бы строить организационную работу, проводить агитацию на предприятиях и т.д. Их соперники из социалистического лагеря — меньшевики и эсеры — также не были в фаворе у властей, но сохраняли некоторые легальные возможности: от представительства в Думе, до активной работы в земствах, кооперативном движении, различных комитетах; это предоставило им в первые недели революции определенные преимущества по сравнению с большевиками. Во-вторых, разгром ПК в ночь с 25 на 26 февраля еще сильнее ослабил партию. Наконец, в-третьих, по словам Шляпникова, большевики «увлеклись» уличной борьбой и «упустили выборы».

Увлеченная попытками организовать и направить уличную активность, партия в значительной степени упустила момент формирования Совета. Стремление контролировать революционную стихию сыграло с РСДРП(б) злую шутку: роль активистов партии в организации митингов, демонстраций и братаний с солдатами была значительно больше ее влияния в собравшемся вечером 27 февраля Совете. «Ожидать большого наплыва наших представителей — жаловался Шляпников — не приходилось — так как большинство товарищей были заняты уличной борьбой». Вместе с тем, связь Совета с широкими массами и его авторитет в их среде не вызывали сомнений.

Тем не менее, уже на первом заседании Петросовета, состоявшемся вечером 27 февраля, большевистская партия не осталась без представительства.

Н.Н. Суханов называет цифру в 250 депутатов, присутствовавших на первом заседании Совета. Но в других источниках указываются более скромные цифры. «Известия» в статье «Как образовался Петроградский Совет» утверждали, что собралось 120-150 человек. Наконец, ряд участников собрания, например, Шляпников и А.В. Пешехонов, определяют численность собравшихся в 40-50 человек. В этом вопросе можно согласиться с выводами советского историка Ю.С. Токарева, который полагал, что «участники заседания делились на три группы — выборные от заводов и фабрик, солдатские представители, деятели партий и организаций» и что «количество выборных от предприятий (которые только и имели право решающего голоса — А.С.) не превышало 40-45 человек». Остальные присутствовали в порядке «самовыдвижения» и с совещательным голосом.

По всей видимости, выборные представители предприятий, в большинстве своем, не были членами партий, соперничество между которыми проявилось лишь при выборах президиума или, как он стал называться впоследствии — Исполнительного комитета. В последний вошло 15 человек. Причем, среди них только двое большевиков — Шляпников и Молотов. Еще два места резервировались специально для представителей ЦК и ПК РСДРП(б). Петербургский комитет, по словам Шляпникова, в тот день не смог воспользоваться зарезервированным для него местом в исполкоме Совета, а еще одно «место у нас оставалось в запасе, за отсутствием подходящего кандидата мы решили использовать его по приезде к нам подкреплений».

Таким образом, организационная слабость и острейший кадровый дефицит самым печальным образом сказывались на представительстве большевиков в Петросовете. РБ ЦК было в эти дни единственным собственно полити-